

Долгое эхо забастовки

(Окончание. Начало в № 72.)

Восемнадцатого июля в 3 часа 35 минут выступил по областному радио председатель забастовочного комитета Т.Г. Авалиани из Прокопьевска, объявив о решении регионального комитета прекратить акцию протеста.

В выступлении отмечалось, что комиссия ЦК КПСС, Совета Министров СССР, ВЦСПС и региональный забастовочный комитет приступили к обсуждению выдвинутых трудящимися Кузбасса требований. По девяти требованиям стороны пришли к соглашению, по остальным идет конструктивное обсуждение. В связи со сложившимися обстоятельствами решили рекомендовать городским забасткомам прервать забастовку с третьей смены 18 июля 1989 года.

Правительственная комиссия и забастовочный комитет подписали протокол из пяти пунктов о согласованных мерах, где отмечалось, что “в Кузбассе в результате длительного отставания развития социальной сферы обострилось социально-экономическое положение. Это явилось следствием диктата и произвола министерств и ведомств, попустительства местных партийных и советских органов, ухудшения снабжения населения продуктами питания и товарами первой необходимости”.

Первый пункт вышеназванного протокола гласил о переводе Кемеровской области с 1 января 1990 года на региональный хозрасчет.

По истечении двадцати лет хотелось бы вкратце напомнить некоторые основные пункты, которые в дальнейшем определяли наше “благосостояние”. Среди них такие, как: предоставить предприятиям полную экономическую и юридическую самостоятельность; всю плановую прибыль (за исключением отчислений в бюджеты разного уровня) оставлять непосредственно на своих предприятиях; увеличить минимальные горняцкие отпуска до 52 календарных дней; воскресенье сделать общим выходным днем для всех шахтеров страны; снабжать жителей Кузбасса продуктами питания и товарами первой необходимости на уровне Москвы; прекратить практику превращения земли Кузнецкой в место ссылки бывших заключенных; запретить строительство Крапивинского гидроузла; изменить нормативы соотношений роста зарплаты и производительности труда в угольной промышленности и самостоятельно принимать решения об установлении норм выработки, расценки и обслуживания; ввести для шахтеров оплату за ночную и вечернюю смены соответственно 40 и 20 процентов от тарифной ставки; систематически корректировать уровень выплаты пенсий и пособий в соответствии с ростом общего индекса цен; установить для кузбассовцев единый районный коэффициент к зарплате в размере 1,3.

Выносились также вопросы о поддержке предложения по проведению независимой экологической экспертизы области, рекультивации земель. Правительству России поручалось рассмотреть вопрос об организации Шорского национального парка, биосферного заповедника “Кузнецкий Алатау” и другие.

В виде исключения была дана зарплата работникам, участвовавшим в забастовке, в размере тарифной ставки. Эта льгота распространялась и на членов забастовочных комитетов, которые отвлекались от основной работы на родных предприятиях.

Разными были мнения кузбассовцев в отношении забастовки. Одни считали, что горняки своими действиями вынудили правительство подписать ряд соглашений (среди них и тарифное), которые похоронили надежду на экономические преобразования, “забили осиновый кол в стабилизацию обстановки в стране”.

Другие, кто имел хоть какое-нибудь отношение к шахтерскому труду, были противоположного мнения. Они считали, что горняки тогда заставили союзное правительство обернуться лицом к народу, дали понять наконец, что люди не быдло.

Созданные тогда рабочие комитеты оказывали ощутимую поддержку всем, кто обращался к ним за помощью. Руководителям городской милиции, например, помогали в наведении правопорядка на улицах Новокузнецка. Было обнаружено множество злоупотреблений на торговых базах, в подсобках магазинов находили припрятанный дефицитный товар и продукты питания. С деятельностью рабочкомов в городе уменьшилось число правонарушений. Поэтому и неудивительно, что вначале многие горожане в надежде решить личные вопросы чаще обращались со своими болями не в администрации районов, а на родные предприятия или в общественные организации, а то и непосредственно - в рабочком.

Тяжело тогда было молодым парням, кого советы трудовых коллективов откомандировали из забоев выполнять нелегкую по тем меркам работу. Понятно, что у них порой не хватало опыта, определенных знаний. Как с финансовой точки зрения проверить какое-то предприятие, дать необходимую консультацию. Но не в этом суть. Тогда были видны результаты их деятельности. Они заставляли вертеться и засидевшихся в своих креслах чиновников. Поэтому простой народ и обращался за помощью в рабочком.

А некоторые чиновники, пользуясь неразберихой, “вертелись”, стараясь и себя не обидеть. Порой хватало даже с лихвой. Только смотри за ними. Вот, например, зимой 1991 года в городском рабочем комитете меня познакомили с результатами одной проверки. А суть ее в том, что редко какая дележка бартерных заграничных обновок в обмен на проданный уголь обходилась без скандалов.

Вот аппаратчики угольного объединения совместно с работниками базы управления материально-технического снабжения распределяли дефицитные товары, полученные от реализации угля в “узком” кругу руководителей. Один из заместителей председателя теркома, например, сам себе распределил импортный цветной телевизор, шесть стиральных машин и швейную машинку. Не боясь ответственности, этот “защитник прав трудящихся”, как только началась проверка, срочно уволился по собственному желанию. И след его потерялся.

Чуть позже сенсационную новость выдал на профсоюзной конференции шахты имени Димитрова лидер рабочкома предприятия.

Там узнали, что по разрядке из концерна на шахту поступило десять легковых автомобилей. На совете трудового коллектива дефицит стали распределять среди горняков. И выяснилось, что один “жигуленок”... улетучился. Пропажу с трудом отыскал рабочком. Дефицитный автомобиль, как оказалось, приобрел еще несколько месяцев

назад... председатель профкома шахты и надежно спрятал в личном гараже. Профсоюзный лидер, как потом объяснили, обратился к руководителю концерна с просьбой о выделении ему автомобиля. И легковушка была приобретена за счет простых горняков.

После этого разоблачения возвратили на шахты из концерна еще несколько десятков аналогичных заявлений. Не разберись горняки вовремя, долго бы тянулись такие безобразия. Заодно выяснилось, что этот же Димитровский профсоюзный лидер без лишнего шума перед этим приобрел списанный “уазик” (шахтовый, конечно) и продал его на сторону, не обидев себя.

Много тогда рабочкомы сделали хорошего в наведении порядка.

Потому и неудивительно, что во всех четырех округах по выборам в народные депутаты РСФСР (18 марта 1990 года) по Южному региону народными избранниками стали представители рабочих комитетов

Никто тогда, конечно, не мог предположить, что рабочим движением воспользуется гонимый в то время Б.Н. Ельцин. Он приезжал в Кузбасс, встречался с горняками, жителями полуразвалившихся барачных, и обещал, что если его поддержат на президентских выборах, то он улучшит нашу жизнь.

Он в то время был такой “простой и доступный”, с новокузнецанами встречался на общегородском митинге, много критиковал и все обещал...

Но сложилось так, что три бывших депутата после окончания своих полномочий в наш город потом так и не вернулись. Где сейчас А. Бир, Ю. Герольд, Б. Денисенко - я не знаю. Но уверен, что они не бедствуют, - депутатский мандат дал им тогда возможность сделать себе хорошую карьеру. Также это касается и теперь уже бывшего полномочного представителя президента по Кемеровской области Анатолия Малыхина. Рядовой проходчик шахты “Есаульская”, который в школе еле тянул на “тройки”, вдруг, став при солидной государственной должности, сразу поступил на заочное отделение в Кемеровский коммерческий институт на факультет менеджмента. Из рядового запаса первого класса (даже не имея ефрейторского звания) - вдруг повышается до... генеральского звания.

Ко всему этому хотелось бы добавить, что даже после распада рабочих комитетов ни один их активист (по крайней мере, мне неизвестно) не возвратился на родную шахту.

Если же быть объективным и сделать краткий вывод, то можно сказать следующее: сейчас шахтеры в основном выступают против того, за что сами боролись в “жарком” июле 1989 года. Одним из их требований было - дать разные формы собственности. Дали. И, к сожалению, этим воспользовались не те, кто взывал к справедливости и рабочей солидарности.

Незаметно при наступившем экономическом кризисе приблизилось 20-летие известных шахтерских забастовок.

И что бы сейчас ни говорили участники всех тех действий, очевидно, горняками двигали благие намерения, о которых мы выше говорили.

Но что потом из того вышло, кто воспользовался плодами неопытной деятельности - тоже неизвестно. Видели, как в последующем горняцкие выступления сводились к тем

требованиям, непосредственно за которые боролись в “жарком” июле 1989 года. Особой пользы не принесли и разные формы хозяйственной деятельности не только в угольной, но и других отраслях промышленности. На предприятия пришли руководители - собственники новой формации, практически получившие полную и безконтрольную власть на производстве. Ощутили, что некоторые из этих собственников, не имея достаточных навыков хозяйственной деятельности, на первое место ставят планку максимального выколачивания прибыли, а остальные, в том числе выплата зарплаты и социальная сфера, - “на потом”.

Не в восторге, думаю, те забастовщики, способствовавшие запрету КПСС, что в последующем привело к развалу Советского Союза, затем независимости бывших союзных республик, которые ныне стали самостоятельными государствами. Некоторые из них (в основном прибалтийские республики) ведут недружескую политику в отношении российских граждан.

Сейчас забастовщики с ностальгией вспоминают те советские времена, когда не знали рыночных отношений, повлекших за собой безработицу, кризисные явления, невыплату зарплаты и пр...

Горьким оказался первоначальный вкус той заманчивой сладкой свободы.

Автор: Николай Ничик. Валентин Волченков (фото из архива редакции).